СЕРИЯ «ПРАВОСЛАВИЕ В ЖИЗНИ»

О ТЕРПЕНИИ БЛИЖНЕГО:
ОСУЖДЕНИЕ, КОНФЛИКТ, ГНЕВ

Издательский Совет
Русской Православной Церкви
Москва · 2008

ББК 86-372
О-11

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

О терпении ближнего: осуждение, конфликт, гнев. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – 64 с.

О-11

Сегодня счастливых, довольных жизнью, примиренных с обстоятельствами людей очень мало. Это хорошо видно из нашего общения друг с другом. Человеческие немощи нас сильно огорчают, а иногда просто выводят из себя. Как сделать так, чтобы сердце потеплело и умягчилось? Как стяжать мир в отношениях с домашними, соседями, сотрудниками на работе? Как преодолеть осуждение и гнев по отношению к недостаткам других? Как найти ключ к источнику радости, которая живила бы глубины сердечные? На эту тему размышляют священнослужители в нашем сборнике.

ISBN 978–5–94625–240–9

© Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008

КОГДА ВРАГИ ЧЕЛОВЕКУ — ДОМАШНИЕ ЕГО

Дома, среди самых близких людей, мы сдаем свой первый экзамен в духовной жизни.

В Новом Завете заповедь о любви к ближнему — *возлюби... ближнего твоего, как самого себя* (Лк. 10, 27), — сочетается с предупреждением о том, что враги человеку домашние его (Мф. 10, 36). *Если кто,* — говорит Христос, — *приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 26). И при этом — *кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного* (1 Тим. 5, 8).

При всей внешней противоречивости этих слов речь в них идет об одном и том же — о любви: **сначала** — к Богу, а **потом** — к ближнему. Возлюбить ближнего, как самого себя, — значит, и желать спасения ближнему, как мы желаем спасения самим себе. Домашние становятся нам **врагами**, то есть людьми, которые вольно или невольно желают нам зла, только в том случае, когда пытаются отвратить нас от веры или от жизни по вере. Но и здесь, и даже в самых тяжелых случаях, остаются в силе слова: *любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5, 44). Отсюда заповедь о том, чтобы **возненавидеть** своих близких, — это не призыв к ненависти в привычном смысле этого слова. Мы призваны лишь отвергнуть пристрастие к своим близким — ту слепую любовь, которая греется и питается любовью к себе в ущерб любви к Богу.

Один из примеров такой любви как бы к ближнему описан в житии преподобного Амвросия Оптинского, изданном Оптиной пустынью вскоре после его преставления, в воспоминаниях одной из духовных дочерей старца.

N позднее стала монахиней в Шамордине, но в тот момент она была обычной мирской женщиной. У них с мужем был на примете жених для дочери, «впрочем, — как пишет любящая мама, — *не без согласия на то и ее самой*»(!). Одним словом, молодой человек понравился прежде всего самой *N*, и ее дочь «добровольно» согласилась с выбором матери.

N не сообщает никаких подробностей об этом молодом человеке, кроме того, что его занятия «требовали постоянного его присутствия на месте его жительства, обещая ему блестящую будущность, за которой он гнался, как за привидением». Предполагаемая женитьба, таким образом, все время откладывалась, «отчего, — признается *N*, — больше всех страдало мое материнское, *любившее и самолюбивое сердце*». Казалось бы, все говорило о том, что молодой человек не слишком заинтересован в женитьбе, и не ради кого-нибудь, а ради собственной дочери *N* должна была отказать ему. Но вместо этого она продолжала лелеять свои мечты, а чтобы над ней не стали смеяться, подготовка к женитьбе была строжайшим образом засекречена.

Между тем время шло, а дело не двигалось. Чем дальше, тем тяжелее ей становилось, и *N* решила написать в Оптину пустынь преподобному Амвросию Оптинскому. Она уже раньше писала старцу в связи с болезнью мужа, и в тот самый момент, когда он получил письмо, состояние больного начало улучшаться. Теперь, не описывая дела подробно, она лишь назвала в письме имена дочери и ее жениха и просила

усердно помолиться о здравии обоих. Получив письмо, старец (как рассказали ей знакомые, оказавшиеся в тот момент в его приемной), выйдя на общее благословение, сказал при всех: «Я получил письмо от г-жи *N* (и назвал ее фамилию и город, где она жила). Чудачка! У ее дочери, должно быть, есть жених, а они это даже и от нас скрывают!»

Тогда же *N* написала и жениху своей дочери, спросив, почему он не едет и молчит. Через некоторое время она «получила ответ, но какой? Это было письмо или пьяного, или сумасшедшего. Оно разрушило, — пишет *N*, — все наши надежды, оставляя глубокую рану в сердцах наших». И в первых числах июля 1886 года *N* вместе с дочерью отправилась в Оптину.

Старец пригласил их втроем с родственницей, которая их сопровождала. Вначале он спросил саму девушку: «Ты имеешь что-нибудь сказать мне?» Сильно смутившись, она ответила: «Мать Вам все скажет» (о, бездна материнской любви!). Затем они с родственницей вышли, и *N* осталась со старцем наедине. Тут она «начала говорить о неприятном, поразившем ее письме жениха дочери, о непонятном для них его поведении и о своем оскорбленном самолюбии». О тревоге за судьбу своего ребенка *N* почему-то ничего не сказала — видимо, не это ее волновало. Старец сам перевел разговор на эту тему: «Бог

отвел его от твоей семьи; он небогомольный, не по твоей семье. Если бы состоялся брак, он через четыре года бросил бы ее». *N* стала убеждать старца, что он человек хороший, бывает в церкви и из хорошей семьи. Старец ответил: «Был хорош, — мог измениться. Ходит в церковь, — а зачем? Это не кровь и не плоть твоя — чего ручаешься? Ты во всем виновата. Какая глупость была — тянуть дело столько лет! Бросить теперь же все, не писать и не узнавать о нем! Забудешь — все пройдет. Нападет на тебя тоска — читай Евангелие. Ступай! Слышишь? Отнюдь не узнавай о нем!»

N вышла от старца. В душе у нее все перевернулось. Ей казалось, что старец разрушил все ее надежды. Позвали и девушку, но она скоро вышла от старца задумчивая. Выйдя из хибарки, *N* села на скамейку около скита и горько, неутешно заплакала. Ее сердце разрывалось от разрушенной надежды. Ей казалось невозможным то, что́ старец велел ей сделать. Дочь же ее была спокойна и весела, у нее как бы вся скорбь отлегла. Впоследствии она передала такие слова старца, ей сказанные: «Не говори матери, — твой жених пропадет совсем».

На следующий день, прощаясь со старцем, *N* сказала: *«Если, батюшка, устроится все по моему желанию, то я отдам вам свою волю»* (какую цену мы бываем готовы платить за исполнение

своих пожеланий!), — и попросила его, чтобы никто не знал того, о чем она с ним говорила. Старец, улыбнувшись, ответил: «Твой секрет на весь свет».

N вернулась домой в спокойном расположении духа, но затем ее стала одолевать тоска. Она стала читать Евангелие, но от наплыва мыслей даже не понимала, что́ читала. В душе ощущалась борьба; ей казалось, что ради послушания старцу она добровольно разрушает счастье дочери. Вскоре *N* опять поехала в Оптину. «Ты его любила, — сказал ей старец, — оттого и искушение». Она попросила научить ее молиться. Старец сказал: «Молись так: Господи Иисусе Христе, помилуй нас троих и сотвори в нас троих святую волю Свою. Слышишь? Иначе не молись». — «Опять, — пишет *N*, — мне это было сильно не по сердцу. *Я молилась и просила всегда у Господа, чего мне хотелось»* (курсив мой — М. Н.).

N приехала домой и стала тосковать еще больше. Заботливая подруга предложила узнать, что случилось с молодым человеком, и, вопреки тому, что говорил ей преподобный Амвросий, *N* дала на это свое согласие. Ответ пришел быстро: «Просили спасти от неминуемой ужасной смерти, для чего требовалась высылка порядочной суммы денег». С согласия своих домашних *N* послала ему последнее, что у них было; на этом

переписка закончилась навсегда. Как и предсказывал старец, жених пропал совсем и, кроме того, за ним оказалось долгу тридцать тысяч тогдашних рублей.

N поехала к старцу: «Простите, батюшка, я Вам не поверила!» — «Почему же ты мне не поверила?» — с любовью спросил ее старец. *N* ничего не ответила, однако же ясно, что кумир, созданный ею в лице этого молодого человека, и себялюбивое желание устроить жизнь дочери по своему вкусу заслонили для нее и соображения здравого смысла, и волю Божию, и слова старца.

Сколько подобных историй — и не с таким благополучным концом — знает каждый из нас? Чтобы не стать главным действующим лицом в одной из них, спросим себя:

Мы любим людей такими, каковы они есть, или какими они «должны быть»? Если мы любим созданный нами образ, а не самого человека при всех его слабостях, то мы любим не его, а себя.

Умеем ли мы слушать: мужа, жену, детей, родителей, друзей, недругов, — стараемся ли их понять? Если мы больше говорим о себе, чем слушаем, то мы сосредоточены на себе и своих чувствах, а не на других людях.

Можем ли мы смириться с тем, что нашим близким иногда хорошо и без нас? Что они и без нас находят добрых советчиков? Что они и без нас иногда поступают разумно? Что они и без нас хорошо себя чувствуют? Что они и без нашей заботы здоровы? Если такая «самостоятельность» наших близких нам не в радость, — мы любим не их, а свои чувства по отношению к ним.

Если нам не воздают «должное», — изменяет ли это наше отношение к этим людям? Если да, то мы больше заботимся о том, что другие о нас подумают, а не о самих людях и не о собственных наших поступках.

Мы заботимся о том, чтобы наши близкие стали лучше, — стали более добрыми, сильными, умными, ответственными и самостоятельными, — или о том, чтобы они прежде всего поступали так, как нам нравится? Во втором случае мы не столько их любим, сколько хотим сделать их для себя удобными.

Итак, кого же мы любим, — ближнего, как самого себя, или себя через ближнего?

И если наши чувства к ближним и дальним мешают нам видеть, принимать и любить их такими, каковы они есть, найдем в себе силы перешагнуть через эти чувства, — и с ними исчезнет одно из препятствий для любви к Богу и к ближнему.

Протоиерей Артемий Владимиров

ПОЧЕМУ СРЕДИ НАС ТАК МАЛО СЧАСТЛИВЫХ

Нам выпало жить в удивительное время духовной свободы христианского вероисповедания, свободы от преследований за христианские убеждения. И за это надо уметь быть благодарными Богу и по-настоящему ценить этот дар...

Вместе с тем нам приходится вести речь о непонятной скудости ощущений, чувств, мыслей, характерных для современного верующего человека, носящего зачастую в душе только горечь — горечь непонимания и осуждения окружающих людей.

Конечно, это достойно удивления и сожаления... А ведь все познается в сравнении. Не дай Бог, окажется такой человек в местах

суровых, лишенных утешения, — в лагере, в тюрьме, в зоне — среди лиц озлобленных, жестоких, одержимых скотской похотью... Повсюду слышны грубые окрики, бесконечная многоэтажная брань, кругом всеобщее озлобление... Посидел бы наш герой в этих условиях два месяца, а затем милостью Божией возвратился назад, в родной приход. И тогда, слыша невинный смех, простые разговоры, добродушные шутки, видя задумчивое лицо молящегося человека, читающего по книжечке вечернее правило, он вдруг почувствовал бы, что это просто преддверие рая — общаться с людьми, для которых не закрыто богообщение, которые, хотя, может быть, и небезгрешны, но сознают себя христианами и избегают в своей жизни смертных грехов. В таком сравнении многое можно познать! Увидел бы тогда наш герой бескрайнее небо, облачка, березки, мир радостный и прекрасный — и отлегло бы у него от сердца...

Между тем мы находимся в этой многобедственной земной жизни для исправления. Если бы кто-то взялся подсчитать, чего же в жизни больше — скорбей или радостей, наверное, мнения бы разошлись. Все зависит от внутреннего устроения человека. Иной так внимательно рассматривает свои неудачи, беды и боли, что жизнь кажется ему черной полосой, почти что не перемежающейся никакими полутонами.

Есть такие люди, с душой, окрашенной в блеклые и пасмурные тона. А есть люди противоположного устроения: что бы ни случилось, остаются на плаву. Он и в Финской войне участвовал, и на Курской дуге воевал, и пять лет лагерей получил, но не потерял бодрого и радостного отношения к жизни...

Часто от внимания людей укрывается, что наше странствование по земной жизни приготовляет нас к восхождению по мытарствам. Если тебя обижают, тебе становится обидно, если ругают, то сердце сжимается, если на ногу наступают, то больно. А ведь там, за гробом, душа, совлеченная тела, будет все воспринимать еще болезненнее и впечатления будут гораздо острее. Не позаботится душа здесь одеться в светлые, сияющие ризы смирения и радости, не облечется ныне в одежду добродетелей — трудно ей будет безбедно взойти к Престолу Божию...

К сожалению, многие из нас вовсе не приводят себе на память ближайшей перспективы исхода из земной жизни, и поэтому наша временная командировка представляется как бы не имеющей конца. Только под знаком вечности, в проекции к вечной жизни, становится понятным, почему праведники, люди доброй нравственности, зачастую подвергаются тяжелейшим и продолжительным испытаниям, а добро и правда не всегда торжествуют победу на земле. Встречая

вместо радостей «гадости», думаешь, что все это по отношению к тебе несправедливо. Как же важно всегда помнить о том, что за гробом действительно может быть страшно. Уж если здесь иногда холодом веет от потерявших человеческий облик, дышащих злом зверообразных людей, то там ты испытаешь просто ужас, когда увидишь существа, в которых вообще не осталось ничего светлого, доброго, никаких благодатных даров, но лишь злоба, притом такая, что если бы могла человеческая душа умереть, то умерла бы сразу, обратилась бы в небытие при виде этих существ, падших духов.

Господь Милостивый, конечно, знает, как спасать людей. Он ежедневно проводит по этому пути многих. И, в отличие от нас, близоруких, Он желает нас приуготовить, чтобы мы непостыдно и безболезненно достигли последнего рубежа и были избавлены там от всякой «скорби, гнева и нужды...»[1]

А как подготовиться ко дню исхода? Какую нужно пройти школу, чтобы, встретившись с демонической злобой, не потерять почвы под ногами? Как избежать этих загробных искушений? Необходимы, наверное, какие-то предваряющие испытания, закалка, лишения. Нас же только потесни, прижми, как начнется писк

[1] Прошение ектении на Литургии — *прим. ред.*

на весь квартал, по всем инстанциям полетят письма, требования о восстановлении справедливости, удовлетворении законных «попранных» прав...

У святых людей все было не так. Когда один из братьев священномучеников Рященцевых (епископы Варлаам и Герман) попал в зону, он понял, что здесь взята установка на истребление людей и выжить никому не удастся. В тяжелых испытаниях исповедник веры утешал себя тем, что мытарства будет легче проходить, если земное ощерившееся против нас бытие воспринимать как горькое лекарство, принятие которого спасительно...

Мы же, пока жизнь не сказала еще своего последнего слова, живем по-барски. Уж, кажется, грех жаловаться. А между тем счастливых людей, довольных жизнью, примиренных с обстоятельствами, что-то мало обретается. На словах мы все оптимисты, но из общения друг с другом можно увидеть, что искомое почти никем не найдено. Очень уж мы строги и категоричны в суждениях, даже резки. Мы — «вершители судеб», похожие на древних античных парок, которые держали в своих руках нити человеческих жизней. Ныне что ни христианин, то «олимпийское божество». Мы не говорим, но изрекаем, как будто бы в друзьях у нас святой архангел Михаил, а мы сошли на приход

с третьего неба. Людские немощи нас сильно огорчают, а иногда просто выводят из себя... А как бы хотелось иначе настроить свой сердечный камертон, чтобы он издавал звук чистый, ясный, чуждый дребезжания и брюзжания! Как бы так сделать, чтобы появление в нашей жизни каждого нового человека или общение со старым знакомым, связанным с нами ниточкой дружества, общих трудов, вызывало, прежде всего, положительные эмоции, радовало бы, а не отравляло наше существование!..

Утром, чуть проснемся, выходим на свет Божий, а там — «одни и те же лица»! — «Опять мне с ним общение предстоит! Он еще и молится с таким видом — о, Боже! Огорчение... Хотела убежать, да не могу. Какой же труд — сносить общение с эдаким! Ну что ж, еще немного потерплю, и там, на Небесах, пусть будет мне просторно, хорошо и одиноко. Ради этой перспективы я готова с вами здесь еще помучиться. А там — прощайте, мне пора домой!» — «А как же мы?» — «Смотрите сами. Я все, что нужно было, вам сказала!»

Как сделать так, чтобы сердце потеплело, умягчилось? Стоит только улыбнуться соседу через силу или по доброй привычке — и благодать возвеет в сердце. Утром и днем, на службе и после службы, в полночное время, в сумерках и перед сном нужно быть, как чайка на взморье:

волна идет за волною, а белобокая птица мерно качается на воде и вместе с тем пребывает в покое. Как найти ключ к источнику радости, которая живила бы глубины сердечные? Кто-нибудь мог бы ответить: «Да в тюрьму ее на месяц или на два! А потом и выпустить прямо сюда, на Божий луг, на приход, лицом к небесам, чтобы солнышко ласкало ее своими лучами. А рядом посадить церковных подружек...»

Говорят, что после лагеря, тюрьмы даже самые простые бытовые впечатления отличаются особой остротой и глубиной. Улыбка на лице или выражение тихой задумчивости, светлой печали воспринимаются как Божие откровение. Кто читал произведения А. И. Солженицына, тот помнит, как там об этом рассказано из опыта.

Но, может быть, все же необязательно (коль на плечах голова, а не кочан капусты) проходить огонь, и воду, и медные трубы? Может быть, есть какие-то иные способы и образы воспитания, чтобы выбраться нам на свет Божий из мрака осуждения и неприязни и стяжать правое и праведное душевное устроение?

Господь любит человека и терпит, принимая его со всеми ограниченностями, немощами, недостатками, закрывает, так сказать, глаза на многие его слабые стороны, потому что не сразу мы можем в себе их осознать, тем паче — исправить, ибо страсти, грехи изживаются постепенно.

Многое человек начинает понимать лишь с возрастом. Пока христианин молод (а молодость может продолжаться лет до пятидесяти), он и благочестивый, и умный, и правый во всем — но... какой-то ограниченный. Он больше думает о том, «как надо», «как правильно», и меньше о том, что у соседа на душе. Постепенно христианин начинает мудреть (если, конечно, мозги не заизвесткуются), становится все более чутким, восприимчивым, особенно по мере умножения скорбей, болезней и немощей, начинает смотреть на других через призму своих покаянных трудов и духовного опыта. Тогда он познает, что природа наша весьма немощна и не все ей под силу в деле исправления. Потихонечку он будет отрешаться от былой категоричности. «Если не так, как у меня, к чему я привык (что правильно, что неправильно, что благочестиво, а что не очень благочестиво), то я этого не понимаю и не принимаю, и вообще мне не по пути с этими особями двуногими!» Нет, когда тебе уже за пятьдесят (если только ты не тот горбатый, которого и могила не исправляет), то, может быть, ты почувствуешь интерес к жизни личности, к ее судьбе, задумаешься, почему человек так смотрит на жизнь, какие у него воззрения, затаенные переживания, как ведет его Господь. Верующий же он, православный... Молится, кается, причащается — значит, находится под

благодатью, а не под грехом. Великая тайна — Промышление Божие о человеке...

Праведный старец Иероним Эгинский говорит: «Найди в ближнем хотя бы одну добрую черту, качество, которых у тебя нет, и по этой положительной черте цени, люби, восхищайся, радуйся и воспринимай его». На остальное не обращай особенного внимания. Один и тот же человек может помнить много стихотворений и при этом чавкать. Другой выстаивает службы не шелохнувшись, но при этом подолгу сидит в ванной, забыв о домочадцах, имеющих те же потребности... Ведь нужно что-то прощать, а не так: не понравилась тебе в ближнем какая-то черта — и ты наливаешься тайной злобой, как клещ кровью: «Не переношу таких качеств в людях!» Умение правильно относиться к людям и светло смотреть на соседа — это большое искусство и признак духовной культуры, а лучше сказать, просвещенности, но не внешней, показной, которая именуется начитанностью и начетничеством. Это драгоценное качество называется человеколюбием.

Каждый непременно что-то любит здесь, на земле. Кто-то любит маслины во всех видах — черные, зеленые, начиненные орешками или без орешков, с косточками или без косточек — чуть не дрожит, когда их видит. Кто-то любит кошек — прямо мордочку кошачью прижимает

к себе. Кто-то любит себя — это очень увлекательное занятие! Кто-то любит денежки, а кто-то любит книжки. Кто-то любит говорить и изрекать... Но предмет, действительно сто́ящий любви, — это, конечно, человек! Любить людей может только тот, кто устремлен ко Христу Спасителю не в горячем порыве, свойственном новообращенному, а подлинным устремлением, которое является плодом исполнения заповедей Божиих. Быть может, потому редко встречаются подобные примеры, что нынче в людях оскудело боголюбие. В души истинных боголюбцев неприметно, незаметно вселяется Сам Христос Спаситель Своею благодатью. Человек боголюбивый втайне от окружающего мира живет Богом и в Боге. Как это понять? Например, говорят: «Я живу с Иван Иванычем уже пятнадцать лет под одной крышей». Это значит, что вы постоянно видите Ивана Ивановича, с ним беседуете, знаете его привычки, вкусы, помогаете ему, а он — вам. Так и здесь, только в превосходном смысле.

Есть такое выражение — «жизнь с Богом», или «жизнь в Боге», «жизнь во Христе». Спаситель говорит, что тот, кто будет причащаться святых Таин, жить будет Им. Значит, христианское благочестие заключается не в том только, чтобы ходить в храм, исполнять правила, соблюдать посты, посещать святые места, читать Евангелие,

но в том, чтобы жить в Боге. Жить кем-то — это значит постоянно находиться в присутствии этого лица, общаться, видеть, слышать его. Жить в ком-то — значит иметь такое тесное единство и соприкосновение, что мысли, желания, чувства этой личности становятся отчасти и твоими. Во всяком случае, ты их уже понимаешь, знаешь и разделяешь.

Христианская жизнь посему не сводится к сумме благочестивых действий и навыков. Когда мы говорим: «Он человек глубоко церковный» или «Он совсем невоцерковленный, не наш, не разделяет нашего образа жизни», то понимаем, что речь идет о внешних правилах, которые могут привести, а могут и не привести к самой цели — жизни в Боге (человек может остаться пустоцветом). И, очевидно, если христианин правильно верует и живет по вере, то Господь в него вселяется непостижимо, постепенно, и человек меняется изнутри: по уму, по чувствам, по сердцу, в мыслях, в ощущениях. В частности, у него изменяется способность видеть, слышать, говорить, действовать, он начинает смотреть на людей иначе — очами Христа Спасителя.

А как Спаситель смотрит на Свои создания, ради которых Он пришел в мир? Как Господь смотрит на каждого из нас? Не таким взором, как мы смотрим друг на друга, но неизменно любящим, терпеливым, глубоким... Ведь

СОДЕРЖАНИЕ

Священник Михаил Немнонов
КОГДА ВРАГИ ЧЕЛОВЕКУ — ДОМАШНИЕ ЕГО 3
Протоиерей Артемий Владимиров
ПОЧЕМУ СРЕДИ НАС ТАК МАЛО СЧАСТЛИВЫХ 11
КЛЮЧ К ИСТОЧНИКУ РАДОСТИ 25
КАК ДОСТИЧЬ ГАРМОНИИ
ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С БЛИЖНИМИ. 27
ЧИТАЯ СВЯТЫХ ОТЦОВ. 29
Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)
ЗАЧЕМ МНЕ БЛИЖНИЙ. 32
Епископ Иларион (Алфеев)
НЕ ХОЧУ В РАЙ С НИМ 37
Святитель Николай (Ярушевич)
ТЕМ ЛУЧШЕ ДЛЯ МЕНЯ 45
ПРИЛОЖЕНИЕ
Н. Е. Пестов. БЛИЖНИЕ 53

Серия «Православие в жизни»

Религиозно-просветительское издание

О ТЕРПЕНИИ БЛИЖНЕГО: ОСУЖДЕНИЕ, КОНФЛИКТ, ГНЕВ

Заведующая редакцией *Т. Тарасова.* Редактор *А. Боровик*
Художник *Е. Морозова.* Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректор *Е. Пятаева.* Верстка *Е. Воронова*

Подписано в печать 26.12.2008. Формат 70x100 1/32
Объем 2,0 п.л. Печать офс. Тираж 15 000 экз. Заказ № .
Издательский Совет Русской Православной Церкви
119435, Москва, Погодинская ул., 20, корп. 2

Оптовый отдел реализации: (495) 246-20-85, 246-52-08
Магазин: (495) 245-30-68